Луговской В.

11.07.01
334

Я вас люблю

На первый взгляд, рисунок судьбы Луговского был традиционен для поэта тех лет. Он сам создавал свою романтическую биографию. Служил в Красной Армии, гонялся за басмачами, путешествовал по Средней Азии, провел много времени в горах на Памире. Он и внешне походил на героический литературный образ: обладал могучим ростом, голосом, внешностью. Он был популярен и благополучен. Власти отпустили его за границу: во второй половине тридцатых годов он объехал всю Европу.

Но случилось так, что после прогулочных маршей 40-х годов по Западной Украине и Латвии с советскими войсками Луговской буквально в первые дни войны отправляется на Северо-Западный фронт. Поезд, в котором он ехал, был разбомблен в районе Пскова. Он пробирался через перекореженное железо, сквозь разорванные тела убитых и раненых, увидел воочию гибель множества людей, в то время когда в Москве еще никто даже не понимал истинного масштаба трагедии. Выйдя из окружения, Луговской через неделю возвратился в Москву. Можно сказать, что поэт вернулся не с передовой, он вернулся из ада. Это изменило его, он заболел, сломался, из его стихов ушел прежний воинственный дух, который еще несколько месяцев назад звучал в газетных публикациях. И когда все заметили, что поэт изменился, то стали искать причину, объясняя все достаточно банально для тех лет, – стали обвинять его в трусости. Он и сам показывал всем свою растерянность, сам обвинял себя в потере ориентиров. Он действительно был болен, еле волочил ногу и не мог себе простить жизнь в тылу, в Ташкенте.

Ташкентская эвакуация – уникальный случай существования в одном месте множества различных писателей, поэтов, художников. В доме по улице Жуковская, 54, два поэта, очень непохожих друг на друга, почти одновременно создавали поэтические полотна, осмысляющие трагедию своего времени, а сквозь него – и собственную судьбу. В августе 1943 года в комнате на балахане (в мезонине) А.А. Ахматова продолжала работу над «Поэмой без героя», а внизу, на первом этаже, В. Луговской писал книгу «Середина века». Наверное, не случайно у таких разных поэтов появилась потребность подвести итог, черту и с предельной искренностью рассказать о собственной судьбе, о двадцатом веке и своем месте в нем.

Вместе с В. Луговским и его сестрой Татьяной в Ташкенте наверху в балахане жила Елена Сергеевна Булгакова. Некоторое время В. Луговского и Е. Булгакову связывали близкие отношения, они даже пытались жить одной семьей. И в ее, и в его жизни это были годы тяжкого кризиса, ощущения отчаяния и одиночества. Она потеряла горячо любимого мужа, в тот момент абсолютно вычеркнутого из литературы. Помогая В. Луговскому в те тяжкие минуты, выслушивая и перепечатывая его поэмы, выхаживая его, она возвращалась к жизни.

О своих отношениях с Еленой Булгаковой, с которой его «сроднила война и смерть», Луговской писал: «Не мне судить тебя, и ты не вправе / Судить меня за этот страшный холод, / Который обжигал тебя и вечно / Лежит меж нами, словно стылый нож. / Но ты мудрей и лучше всех на свете, / С пустяшной хитростью и беспокойством, / Беспомощностью, гордостью, полетом...»

Предлагаем читателю отрывки из «ташкентских» дневников В. Луговского и часть писем Е.С. Булгаковой к Луговскому из архива дочери поэта М.В. Седовой-Луговской. Это – не дневник в традиционном смысле слова. «Серую» записную книжку Луговской вел в период работы над поэмой «Середина века». В ней как бы черновые наброски, или тот самый «сор», о котором хорошо известно со слов Ахматовой. Публикуются первые.

Владимир Луговской, 30-е годы

Пишу не для людей, а для ее ребяческих глаз

К столетию Владимира Луговского

Из «Серой тетради»

Ташкент, 1943

Именно сейчас жду огромного расцвета искусств, ибо все отношения изменились, открылась новая протяженность мира, сорвались с петель старые замки, страшнее стало. Несет... Все перепуталось. К началу 20 века все так определилось, что начали уже обозначаться немые **правила** мира. Очевидно, это было очень вредно и неправильно. Не выявились еще все страшные свойства человека. Уют мира 19 века их анестезировал. Все занимались боковыми проблемами. Всю меру, неисчерпаемость человеческой подлости и самоотверженности никто не знал. Рождественские мальчики. Елки. Взыскующие интеллигенты. Новое столетие принесло мощь худших веков истории и, следовательно, наиболее плодоносных веков. Обозначилась чушь человеческого существования. Обозначились новые, совсем новые требования уюта. Человек попал во власть новой стихии машины и ее производных, но эта стихия более победна – вызвана **им**, а не силами природы. Регресс был настолько величественен, что его трагедия стала обыденной... мысль о жизни в другом измерении, о катарсисе. Случайность стала законом, а закон случайностью. Смерть стала тривиальной и в искусстве потеряла свое острие. Жизнь стала пышна и однообразна, как жизнь растений. К счастью, осталось основное свойство, основной интерес человека – кто прошел через двор, кто с кем живет, кто подлец. Это спасительное для людей свойство, эта благодетельная, трогательная и величественная сила должна послужить содержанием отдельной главы. Меню жалкого обеда, новый карандаш, новые подметки, новый распределитель у соседа спасают людей, и сохраняют людей, и сохраняют потенциальные силы человечества. Все возвращается, но в другом завитке. Счастлив, благословен тот, в ком сохранилась традиция. Несчастны те, кто вверяется самозабвенно стихии этого страшного века, его проявлений. Чем проще формулирован закон, тем он сложнее. <...> Но надеюсь, человечество все-таки будет существовать, хотя это... толпа по многочисленности людского населения земного шара больше ни к чему.

Тема: Доброй ночи

Слава в Вышних Богу и на земле в человецах благоволение. Прекрасная вспышка человечности после 1918 года. «Прощай, оружие». Смелые, усталые, цинично-трогательные умы. Многое они открыли. В первый раз после многих лет штурмовали простые вещи, а в них вся суть.

Тема – дворик, желтые окна, балахана, дожди. Какое удивительное ощущение – законы стоят рядом с тобой, а ты еще медлишь, ты бежишь в столовку, ты разговариваешь с дураками. Но самое удивительное в том, что пишу я не для людей, а для нее, для ее ребяческих глаз. Когда пишешь для одного – важно и нужно для всех. <...>

Тема : Удивительный Ташкент

Рыжий куст. Удивление. Желтый лист. Красный и желтый цвет. Другое царство. Тополь. Романские окна. Пьянки, б..., легкий ветерок безобразного хода судьбы. Перцовые пьяные радости. Отсутствие государственности... Неведомая улица Радио на сквере. Город, выпавший из законов. Наслаждение бесправием. Киоски с портвейном. Синежелтые парки. Пыль. Приезд военных академий. Московская выставка барышней. Луна как дыня над улицами, где торгуют перцовкой. Странные магазины и странные манкюрши и сакраментальная остановка всех мыслей. <...> Лагерь беженцев. Сиплые голоса милиционеров. Маленькая Танечка Р. Пыль не падает... Неустановившийся... быт. Первые дожди. Удивительный сквер. На Индию! Чувство юга, а не севера. Пирушка у Г. Дервиш. Никита Богословский. Опять же... с меня не сводишь. Ловкость... Мое безумие... души. Арыки. Скользкие переулки. Вино. 3-й удар у мамы. Длинный путь в Ташкент. Ощущение сестры Тани, родственное и телесное. Могучие Чиновники, спекулянты, сволочь, сырая рыба и дрожащие руки... Впечатления холодные... и первые выступления. Самарканд... Лена Шишмарева. Прощание. Пиво. Ночь. Умный эгоистическо-честный Гусев. Рыдаю в Союзе. Светлана. Переулки. Сады. Бутерброды. Телеграммы и письма от Л.А. Грозный ход зимы. Октябрь. Передаёт дочь (?) до счастья знакомые интонации и <...> Глупые речи Вирты. Гриша Широков. Возвращение... Радостная, самозабвенность разложения... Арыки как каналы. Мертвые закаты. Быт маленьких домов с желтыми окнами. Мои прощанья с Н. Гор/одецкой?/. Вещи в доме те же, что и до войны... Чужие окна. Чужие шкафы. Чужие собаки. Эвакуационные вечеринки. Крохотный уют. Подлецы с водкой. Их личный уют, прописка. Подхалимская радость. Бесстыдное торжество довольно симпатичного чиновника. Снова пиры, пивные, жизнь как прибой. Незыблемая крепость... Кабинет редактора. <...> Торжественная осень. Мощный шум ее ветвей и листьев. Синие и красные цветы... Подарки. Уткин <...> Лотереи. Пиво по углам. Я... пьяный, голодный до безумия, напоенный Ос. качаюсь, как былинка. Дамы-патронессы. Киоски. Стыд за все это. Стыд и ненависть и злоба легка, как танцовщица. Ощущение трагедии всего мира, всего земного шара, потом утерянное. Япония. Мировая война. Москва таинственная и ледяная... Ловля рыбы в Чирчихе(?). Базар. Пирожки с перцем. Лиловые закаты. Медленные и грубые перемены света. Барышни в отелях. Поляки в новой антифашистской форме. Генерал в берете. Дивные антрепренеры, берущие и дающие, и такие же девушки. Умение жить среди ада. Улица К. Маркса, древние... УЗГИЗ. Проигрывание песен. Необыкновенный ресторан в Д.П. Пиво, спирт. Мое неуклюжее тело, оступающееся в арыки... Вечер от всей души. Провода на Пушкинской и все в снегу. Недоверие, мерзость. Библиотека И.И. как маленькая истина. Ужас до оцепенения. Юбилей Вс. Иванова. Мои тосты. Слон/имский/, А.Т. (Алексей Толстой?) Падение и понимание всего... Выступление. Ступеньки крыш, Прага. Весь мир. Ледяная ненависть и беспомощность... Крики матери за спиной. Синие ночи и подлость без границ. Раз ты пошел по этому крестному пути – должен все выдержать... Неумение жить и, вероятно, умереть. Тихие заводи доброты. Блистающая, подлая жизнь на маленьких кубометрах. Первые знаки весны и снова смертный холод и мрак ночей. Зеленые тучи на Карла Маркса и два стакана портвейна и девушка под треп. Сыро, холодит... Черкасов. Желание сжечь Берлин. Первые фиалки. Ничего не даст, ничего не получится. Именно этого мне не хватало. Поэтому так легко в... Именины подлецов. Вера в людской порядок. <...> Мои робкие, каждый раз неверные движенья. Беспомощные глаза Е.С. и ее гордость ребенка... Внутренний город души. Внутренний город Ташкент – невидимое царство. Дом ЦК. Уют каждого мгновения. Уют лампочки и стула, редакции и дерева, вечеринки и арыка. Человек создан все-таки для счастья (?).

Письма Елены Сергеевны после отъезда из Ташкента

Москва 20 июня 43

Мой дорогой, сначала нечто вроде отчета: поездка, прибытие, речи, дела, Пушкин, Москва, люди, выводы.

Дорога прошла даже как-то удивительно легко, я ведь плохо переношу ее вообще. Спутников приятных не было, только соседка, показавшаяся в Ташкенте стервой (молодая, в тюбетейке), оказалась симпатичной. Зато другая, старуха, оборотилась совершенной сволочью. Соседа, развязного молодого человека, сняли через два дня с поезд (замели), так как он ретиво занимался тем, что продавал за деньги чай в большом количестве. Весь вагон одобрил это действие милиции. Ну, а за всем этим, сначала – пустынный Казахстан, богатые станции, на которые население выносит яйца, масло, молоко, простоквашу в большом количестве и очень дешево (первые руб. по 8–10. Второе – от 350 до 400 и третье – как и яйца, в той же цене) – это специально для Поли справка. Потом, с необыкновенным волнением и радостью, начинаешь видеть, как зеленеет земля, как покрывается кустиками, кустами, деревьями, рощами, лесами. Вспоминала, конечно, при этом: «А в темных окнах реяли, летели, клонились, кланялись и поднимались снова беспамятные полчища деревьев...»

Богатство земной коры связано с удорожанием продуктов: чем ближе к Москве, тем дороже цены, примерно, они становятся, как в Ташкенте, а главным образом, все желают менять на соль.

Очень волнуешься при последних минутах или часах, скорее. Когда поезд начинает бежать без остановок на маленьких дачных станциях, а названия их все же мелькают перед глазами, напоминая всякие веселые минутки жизни, – когда наползают сумерки и в окне появляются совершенно невероятные по окраске дымчатые, серебристые картины, какой-то неожиданный Париж, который я, правда, знаю только по импрессионистам, – тогда только становится понятным, что это такое – возвращение в Москву, на родину, на родину, в Итаку...

Поезд запоздал, встретили меня только Калужские, по дороге домой машину несколько раз задерживал патруль (после 12-ти ночи нельзя ехать без разрешения), я объясняла, в чем дело, и очень корректно, просмотрев документы, откозыряв, нас пропускали.

Сергей и шофер носили вещи наверх, я сидела в машине, размышляя о том, как тоскливо из-за отсутствия света, о том, что нужно будет скорее продать всю обстановку и уехать куда-то, где нет затемнения, – поднялась наверх, вошла в свою квартиру и поняла, что никогда я не уеду отсюда, что это мой дом.

Я вся погружена в прошлое, просматриваю архивы, письма, книги, альбомы, просто сижу и смотрю вокруг. Ольга предложила мне обмен квартиры, я отказалась. Я не уеду из этой, она моя. <...>

Люди в большинстве случаев очень похудели, постарели, посерьезнели. Один Саша Фадеев все тот же, внешне нисколько не изменился, так же бодр, весел и смешлив. Оля решительно изменилась. Ну, конечно, смерть Немировича сказывается сильно. Но, кроме того, у них с Калужским совсем чужие отношения, и это трудно. Мне, например, очень тяжело бывать у них в доме, а вместе с тем Оля очень хочет меня видеть чаще, я – единственный человек, с которым ей легче, и посмеется иногда, когда я ей начну рассказывать всякую ерунду или показывать какие-нибудь штуки. Она и Женя Кал/ужский/ внешне – похудели, а душевно – состарились, нет ни былых Жениных анекдотов, пенья – в помине. Между собой они почти не разговаривают. В доме тихо, только игра с насекомыми изредка внесет искусственное оживление в день. <...>

Татьяна Луговская. «Дом с балаханом»

Была на Пушкине... (единственное зрелище – вообще же отказываюсь от всяких других). Спектакль Мхатовский, и если бы дать настоящую Наталью, скажем, Тарасову, хотя бы, чтобы была красива и обаятельна /а она очень похудела – к лицу, помолодела и к тому же влюблена в одного генерала/, и настоящего Дантеса, т.к. Массальский стал играть какого-то смазливого, сентиментального офицерика провинциального, а не убийцу – Дантеса – то получился бы просто чудесный спектакль. <...>

Спектакль разрешено ставить 2 раза в месяц, актерам трудно так редко играть новый спектакль. <...>

Взяли для чтения одну Мишину вещь (Полоумный Журден), но больших надежд у меня нет, хотя поговаривают...

Маршак нежен со мной, заботлив. Завтра будет выступать на заседании, где будет ставиться вопрос о принятии меня в члены Литфонда. Это предложил Саша. Дал со своей стороны письмо, т.к. сам он не состоит в этой комиссии. Говорила, кроме Маршака, с Конст. Фединым, который при этом не знал, как мне посмотреть в глаза. Между прочим, от него осталась только тень.

Иг. Вл. помогает устроить дело с телефоном, что очень трудно. В Литфонде достают лимит на электричество, и т.д. и т.п. Прописка, устройство всех дел с карточками – все это занимает массу времени, хотя у меня и идет не так, как у всех, так как очень помогают люди. Леонидовы, вернее Эся, из себя выходят по части гостеприимства, угощений, укладывания меня отдохнуть у них, душа, ванны и т.п. Нежный тоже очень старается. Ну, об Оле уж и не говорю. Саша Ф. тоже на высоте, как выражается моя Поля. Сразу поставил вопрос – чем питаюсь, что нужно сделать, и все в таком роде. <...>

С.Ф. сказал: во-первых, он получит все то, что получают писатели с его именем и положением, т.е. рабочую карточку (примерно, это – 2 кг мяса, 800 гр. жиров и столько же сладкого, 2 кг крупы, соль, спички, папиросы, овощи и т.д., кроме хлеба 600 гр.) Я могу ошибиться, но очень немного в смысле количеств, я ведь не видела такой карточки, а только спрашивала про нее. Кроме же нее, можешь получить литерный обед или же сухой паек: 6 кг хлеба, 5 кг мяса, 2 – крупы, 500 гр. сахару, 10 яиц, и еще какая-то мелочь – в месяц. Кроме этого – писатели получают или ужин или еще одну карточку, силой как рабочая. Ну, а затем надо работать, как работают все в Москве, и тогда будут и деньги, и душевное удовлетворение. По иждевенческим карточкам дают мало, почти ничего. Про работу, повторяю, С.Ф. сказал, что ее сколько угодно. В ГАБТе я не была, никого не видела. <...>

Елена Булгакова, 30-е годы

Антология выходит, только будет называться Сборником, и там будут помещены много твоих, Димочка, стихов, так сказал тоже С.Ф. с большим удовольствием. Я попросила его вспомнить, что именно, он смог вспомнить только «Венгерку», «Песню о ветре», – а больше не мог – сказал, что «знаю только, что Володя очень полно представлен».

Симонова я не видела, но знаю со слов Фад., что он очень хорошо (так же как и Павлик) говорил о тебе, что посерьезнел, поумнел (не так грубо он говорил, как я пишу), что гораздо лучше стал, просто хорош, очень хорош. <...>

Что из всего этого сумбура можно вынести: ехать в Москву стоит. Не век же сидеть в Ташкенте, или уж решаться тогда действительно, что в Москве труднее работать для души, а надо ехать в какой-то маленький городок и там устраивать жизнь, близкую к природе и дающую возможность собираться с мыслями. Иметь небольшой кружок друзей и т.д.

В Москве, конечно, шумно, неспокойно, всегда есть масса каких-то дел, встреч, устройств и т.д. Я-то лично очень счастлива здесь, и вот почему: здесь я знаю, что я Булгакова (пишу это, зная все отрицательное отношение Володи к этому афоризму), здесь у меня есть много друзей, здесь мой дом, мои – дорогие для меня – памятные книги, архив, рукописи, вещи, вся атмосфера жизни, без которой мне было очень тяжело в Ташкенте и которая меня поддерживает в Москве. Сейчас я погрузилась целиком в прошлое, я сижу часами над чтением тетрадей, писем, рассматриванием альбомов. Я – дома. Я не боюсь ничего.

Пока я еще не работаю, но веду переговоры о службе и думаю, что скоро поступлю на работу. Но мне хочется получить такую, чтобы иметь время на приведение в порядок моих тетрадей, Мишиного архива и вообще всего в квартире. То есть сама-то она в идеальном порядке, так красива она не была никогда, так чиста, так блестяща, внутри – в письменном столе, в бюро, в шкафах нужно все пересмотреть и привести в порядок.

Поэму читала пока только Виленкину, которому она по-настоящему понравилась, особенно Одиссей. Другим – не было подходящего настроения. Да и мне кажется, что если ты скоро приедешь, то будет выигрышнее, если будешь читать ее сам, в моем чтении многое пропадает.

Вот я и устала, хотя написала, наверно, не все, что думала. Голова у меня болит часто, а главное, сон нехорош – от волнений. Все время на душе неспокойно, все кажется, что что-то забыла важное. Сейчас пойду к Там. на квартиру и уговорю ее пойти на Лаврушинский.

Целую тебя. Пиши. Целую Тусю, Полю. Якову – привет. Тюпа.

Нина похудела, но выглядит очень молодо.

26.VI. 43

Мой милый! Сейчас сообразила, что ты м.б. не доволен, что я пишу на машинке. Это ведь только мы с Олей предпочитаем эту манеру, и я даже не люблю получать от нее почерковые письма, а ты – кто знает? Напиши. Но я-то делаю так, потому что еще не купили (а м.б. и нет) чернил, перьев, все это еще не налажено. Вчера говорила со Спешневым, кот. сообщил, что опустил твое письмо в ящик. Буду ждать, когда придет по почте. Раннее утро, все спят. Я вчера легла в 10 ч., поэтому и проснулась. Всего красивее Москва ночью – широкая необычайно, почему-то стала чем-то похожа на Ленинград. Освещение новое какое-то. Теперь не зажигают летом, и так светло. И вроде как белые ночи, очень короткие. Сегодня иду опять на Пушкина. Вчера Петя Вил. показывал свои работы, потом завтракали у них (кофе, зернистая икра, белый хлеб, масло), потом театр – дела, обед дома – отвратительный (случайно), дома не готовили, взяли из столовой, рано спать. Твое большое письмо еще не пришло. У Оли дивный котенок Кузька, шкажите Яшуше. Будь здоров, весел, дорогой. Целую нежно. Поцелуй Тусю, что не пишет? Целую Полю и Яшку.

Тамара не приходила, из-за этого и вопрос о квартире стоит. Тюпа.

27.VI.43

Милый друг, получилось письмо, посланное через Спешнева, он его опустил в почтовый ящик. Вчера я опять ходила в Тусину квартиру, чтобы попросить Тамару пойти со мной на твою квартиру, но там никто не ответил, я долго стучала в дверь собственно Тамарину. Сейчас опять пойду, хотя сегодня воскресенье, и может быть, она куда-нибудь уехала на выходной. Здесь теперь все ездят в выходные дни на свои огороды, всех встречаешь с лопатами. Удивительно холодное лето – за все время ни одного жаркого дня, какой-то холодный ветер. Настроение взволнованное. И если не устроюсь скоро на работу, развинчусь совершенно. При моей полной погруженности в прошлое, при безмерной тоске, которую испытываю, единственное, что может помочь, это очень сильная занятость. Вначале я боялась очень большой ответственности, а теперь даже хочу... Будь здоров, милый. Целую тебя, Тусю, Полю, Тюпа.

12 сентября 43

Дорогой Дима, все – или вернее почти все твои письма получила. Не все, т.к., например, третьего дня в МХАТе случайно встретившийся Раскин сообщил, что у него есть письмо для меня от Луговского, что, конечно, ему очень стыдно, но что у него есть жена Фрида и маленький ребенок, что вот и последние их фотографии. Одним словом, как всегда – укорительным тоном, словно ты и я виноваты во всем этом. Обещал занести письмо в Литфонд. Вчера в Литфонде этого письма не было.

Сердитые и ласковые телеграммы твои тоже получаю. Не пишу, потому что не писалось. Очень много могла бы сказать, а написать все это – сложное – как-то не могла. Зная твою способность ругаться и предполагать всякие штуки, сразу оговариваюсь – ничего особенного, ничего нового я бы тебе и не написала. Просто все мои мысли, ощущения, выводы приобрели более законченный характер. Вроде того, что чувство твое ко мне – не любовь, или может быть, с твоей точки зрения – любовь, а для меня не убедительно.

В общем, конечно, получается глупо – я упрекаю тебя за то, что ты не такой, как мне хотелось бы. Ты, наверно, получил мою телеграмму о службе – хозяйкой в доме творчества. Две недели честно ездила в Переделкино, что-то делала – и вдруг ясно поняла, что служить мне там ни в коем случае нельзя. И отказалась. И стало легко на душе. Может быть, буду служить в МХАТе, хотя надежды на это очень мало. Вернее, буду работать на дому (работа из артели).

Людей вижу много – появились какие-то новые, неожиданные. Мало интересные, впрочем.

Почти нигде не бываю – из зрелищ, не хочу. Скучно и в театре, и везде. Но люди интересуют. Люди и мужские глаза. Очень часто двойные.

Письмо все время прерываю, бегаю то открывать дверь, то к телефону. Я одна, Поли нет, Гриша Широков сейчас забежит за письмом, повезет на вокзал. Что это он сказал, что пропусков тоже нет у вас? Когда предполагаете выехать? Видишь ли ты Женечку? Он мне не пишет. Почему? Не понимаю.

Гриша пришел, мы с ним немного закусили. И сейчас он должен бежать. Татьяне я не успею написать сегодня. Я ее крепко, крепко целую. Передай ей, что за квартиру твою уплочено – управлением. Я видела жировки.

Будь здоров, милый. Целую тебя. Елена.

Публикацию подготовила
Наталья ГРОМОВА

Главный редактор номера: Виталий ЯРОШЕВСКИЙ
Газета зарегистрирована в Мининформпечати РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054
© Общая газета. Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, **ссылка на «ОГ» обязательна**
Правовое обслуживание газеты осуществляет Адвокатское Бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА

Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН
Арт-директор: Андрей МАЛЬКОВ
Отдел рекламы: Тел.: 915-75-23. Т/ф: 915-26-06, e-mail: lvov@og.ru
Отдел маркетинга: Тел.: 915-53-81
Связи с общественностью: Валерия ГАЛЛАЙ, Зоя ВОЛОВЕЦ Тел.: 915-70-40, e-mail:pr@og.ru

Вёрстка компьютерного центра «Общей газеты»
Технический директор Валерий МАКАРОВ

П.Р. *С этим знаком, а также в рамках публикуются пресс-релизы, информационно-коммерческие материалы. Редакция не несет ответственности за содержание рекламных текстов*

Отдел распространения: Александр РЕБРИК. Тел.: 915-53-89
Общий тираж «ОГ» – **209307 экз.** (региональный – 152000 экз.)

Цена свободная
Розничное распространение в Московском Метрополитене Группа компаний «ПАБЛИК ПРЕСС» в С.-Петербургском Метрополитене ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в ОАО ПО «Пресса-1», 125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24

Номер подписан в печать 4.07.2001 г.
Заказ 1654. 1 2 3

Наш подписной индекс: 32138

Адрес редакции: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 1. **Справки по телефону:** 915-22-88; факс 915-51-71, **e-mail:** secretar@og.ru. **Электронная версия «ОГ» в Internet: www.og.ru** (а также в базах данных www.park.ru; www.nns.ru; www.integrum.ru; www.russianstory.com). **Адрес «Гостиной «ОГ»:** 121151, Москва, Кутузовский пр., д. 22

Редакторат: Дмитрий ДОКУЧАЕВ, Владимир КИСЕЛЕВ, Анатолий КОСТЮКОВ, Юрий ПАТРИН, Елена РЫКОВЦЕВА, Мария СЕДЫХ, Юрий СОЛОМОНОВ, Егор ЯКОВЛЕВ, Виталий ЯРОШЕВСКИЙ. **Дирекция выпуска:** Елена БОГОМОЛОВА, Евгений СЕМЕНОВ, Светлана КАРТАШЕВА (корректура).
Руководители направлений: Елена КОКУРИНА (наука), Наталья КРАМИНОВА (этика), Илья МЕДОВОЙ (мировоззрение), Игорь НАЙДЕНОВ (право), Марина ТОКАРЕВА (редактор «ОГ»-Петербург), Елена УСОВА (информационное обеспечение), Дмитрий ФИЛИПЧЕНКО (спорт), Борис ЮНАНОВ (международная жизнь). **Обозреватели:** Бахтияр АХМЕДХАНОВ, Олег ВЛАДЫКИН, Максим ГЛИКИН, Ирина ДЕМЕНТЬЕВА, Елена ДИКУН, Виктор ЛИТОВКИН, Ирина ПЕТРОВСКАЯ, Альберт ПЛУТНИК, Юрий РОСТ, Борис СИНЯВСКИЙ, Елена ТОКАРЕВА, Юнна ЧУПРИНИНА.
Представители за рубежом: Эльмира АХУНДОВА (Баку), Сергей БОРИСОВ (Алма-Ата), Павлюк БЫКОВСКИЙ (Минск), Наталья ГОЛИЦЫНА (Лондон), Владимир ГОЛОВИН (Иерусалим), Лариса ДЯЧУК (Киев), Наталья ЛОПАТИНСКАЯ (Вильнюс), Федор РЮРИКОВ (Прага), Алексей СЛАВИН (Берлин), Армен ТИГРАНЯН (Ереван), Борис ШЕСТАКОВ (Будапешт).
Исполнительный директор Наталия КЛОЧКО. **Финансовый директор** Елена ПАНОВА. **Директор по развитию** Елена РЫМКО.